

7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ ДЕВИАЦИИ ПОЭТА КАК КОД И СООБЩЕНИЕ

Устинова Татьяна Викторовна

канд. филол. наук, доцент Омского государственного педагогического университета, РФ, г. Омск

E-mail: utanja@mail.ru

LINGUISTIC DEVIATION IN POETRY AS CODE AND MESSAGE

Ustinova Tatiana

*candidate of Philology, Associate Professor,
Omsk State Pedagogical University, Russia, Omsk*

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ проявления метаязыковой рефлексии в поэтических языковых девиациях в свете теории художественной коммуникации. Семиотическое пространство языковой девиации описывается с точки зрения взаимодействия рефлектирующих сознаний языковых личностей автора и читателя. На примере языковых девиаций русскоязычных и англоязычных поэтических текстов 1960—2000 гг. показано, что языковые девиации представляют собой индивидуально-авторскую модификацию коллективного языкового кода и служат средством выражения индивидуального языкового знания поэта.

ABSTRACT

The article presents the analysis of the metalinguistic reflection in poetic linguistic deviation from the point of view of the theory of literary communication. The semiotic space of linguistic deviation is described as the interaction between the reflective minds of the author's and the reader's linguistic personalities.

On the example of linguistic deviations from the Russian-language and the English-language poetry (1960—2000) it is shown that linguistic deviation is the author's modification of the collective language code and it is used as a means of expression of the poet's individual language knowledge.

Ключевые слова: языковая девиация, метаязыковая рефлексия, художественная коммуникация, поэзия.

Keywords: linguistic deviation, metalinguistic reflection, literary communication, poetry.

В современной лингвопоэтике языковые девиации (аномалии, иррегулярности, деформации) — «нарушения семантических, синтаксических, категориальных, прагматических и других правил языка» [14] — рассматриваются как закономерность поэтического дискурса [11; 16]. По мнению Н.А. Фатеевой, языковые девиации поэта — явление метаязыковое, «форма выражения метаязыковой рефлексии в поэтической речи» [14]. Целью настоящей статьи является описание специфики проявления метаязыковой рефлексии в языковых девиациях русскоязычных и англоязычных авангардных поэтов в свете теории художественной коммуникации.

Чрезвычайная сложность художественной коммуникации с точки зрения теории знаковых систем давно находится в фокусе внимания исследователей. В классической трактовке М.Ю. Лотманом поэтического текста как художественной знаковой системы важным представляется тезис о том, что «анормативное, внесистемное как художественный факт существует лишь на фоне некоторой нормы и в отношении к ней» [7, с. 123]. Специфическая организация художественного текста как знаковой системы требует постоянного разрушения ее автоматизации: «Для того чтобы общая структура текста сохраняла информативность, она должна постоянно выводиться из состояния автоматизма, которое присуще нехудожественным структурам» [8]. Языковые девиации, используемые авторами как средство

деавтоматизации стихотворного текста, как «прием остранения», вносят вклад в повышение информативности поэтической структуры. Таким образом, языковые девиации являются способом авторской организации высказывания. Этот способ структурирования высказывания нестандартен, вступает в противоречие с коллективной языковой нормой и узусом, однако, с точки зрения индивидуального языкового сознания, языковая девиация представляет собой результат индивидуально выведенных речезыковых закономерностей.

Диалектика языка проявляется не только в существовании дихотомии языкового кода и речевого сообщения, но и в наличии диалектического единства языка как коллективной конвенции и языка как феномена индивидуального сознания, определяющего особенности индивидуальной речевой деятельности (идиолекта). Комплекс коллективных представлений о природе языка играет важную роль в регулировании речевого поведения социума и, в конечном счете, имеет непосредственное отношение к определению духовной культуры языкового сообщества. Например, В.З. Демьянков, представляя коллективную картину русского языка в обыденном языковом сознании, выстраивает роли и образы языка по «шкале предметности»: от «материальности» (органический язык) через «язык как воспринимаемую речь» к «*lingua mentalis*» [4]. Так, по В.З. Демьянкову, профиль понятия «лингвистический язык» в коллективном сознании представлен семантическими ролями агенса, хранилища, инструмента-объекта и сцены, а образ «органического языка» реализуется через роли «языка-станка» и «действующего языка» [4]. Но в индивидуальном языковом сознании образ языка может весьма отличаться от закрепленных узусом типичных представлений. Поэт как элитарная языковая личность имеет собственные представления о формальной системе языка, собственную трактовку абстрактных стандартизированных языковых идей, и поэтическая девиация является способом транслировать это авторское понимание языковых ролей и языковых категорий. Важной коммуникативной целью поэтического

сообщения в таком случае становится передача информации о языке, содержанием сообщения также становится язык.

Языковые девиации есть сообщения особого рода: если воспользоваться терминологией Р. Барта, их можно охарактеризовать как «вторичную семиологическую систему», в которой взаимодействуют язык-объект (коллективная языковая конвенция) и метаязык, на котором автор говорит о первом [1, с. 61—62]. В языковой девиации как речевом сообщении доминирующими являются две функции — поэтическая и метаязыковая (по Р. Якобсону [17]). С одной стороны, эстетические преобразования языковых категорий в поэзии носят окказиональный характер, т. е. служат для выполнения вполне конкретных художественных задач в соответствии с коммуникативными интенциями автора-отправителя сообщения. С другой стороны, многократное употребление языковых девиаций, в основе которых лежит аналогичный операциональный прием смещения (сдвига) относительно коллективной языковой конвенции, свидетельствует о системности в нестандартной интерпретации поэтом существующих языковых отношений (эпидигматических, семантических, синтагматических и др.). Так, распространенные в авангардной поэзии аномалии в сочетаемости слов становятся выражением субъективной авторской интерпретации структуры лексического значения и семантической структуры слова. Для негимпликационных словосочетаний (термин М.Н. Никитина [9]) характерно смысловое переподчинение различных типов (последовательное, линейное, симилятивное) и контракция семантических признаков сочетаемых единиц. В результате такого смыслового переподчинения девиации лексико-семантической сочетаемости получают мощный тропеический потенциал: «близорукое расставание» [12], «слоистая известь мерцанья» [5], *uneven individual glowing* [20], *radical flattening of interest* [18]. Иногда девиации лексико-семантической сочетаемости становятся операциональной доминантой идиостиля автора, как, например, у американского «языкового» поэта Кларка Кулиджа (Clark Coolidge). В его «нереференциальных», максимально

деконтекстуализированных стихах (например, в сборнике *The Maintains* [19]) читатель не имеет ясной семантической программы, указывающей на то, какие именно смысловые компоненты взаимодействующих понятий подверглись выдвигению, а какие — редукции: тексты *The Maintains* представляют собой дискретные наборы слов и словосочетаний, составленные «методом нарезок». Коммуникативная интенция отправителя такого поэтического сообщения заключается в акцентировании явления сверхсуммативности смыслов в словосочетании и актуализации новых характеристик «бленда», образованного в результате столкновения негиппликациональных семантических признаков сочетаемых слов.

Другой распространенный пример языковых девиаций в современной англоязычной и русскоязычной поэзии — индивидуально-авторские неологизмы. Случаи окказионального словообразования в поэзии есть результат авторской интерпретации категории словообразовательного значения. Окказиональное преобразование языковых форм и значений происходит на основе переосмысления внутрисловных отношений, чаще всего отношений между производящей базой и формантными частями деривата: «плечеуглые (грифоны)» [10], «токарность (плеч)» [10], «многоочитая (падаль)» [12], «слепителен (обод снега)» [5], (*the city is uncarlike* [20], *amniabsorb (the liquid)* [18].

Специфичность лингвокреативной поэтической деятельности предполагает наличие особой индивидуально-авторской системы языковых знаний. Эта система знаний выступает как основа неузуальной организации содержания высказывания, соответствующего уникальной концептуализации действительности. Н.Н. Болдырев определяет языковое знание следующим образом: «<...> языковое знание, которое является неотъемлемой частью общей концептуальной системы человека и формируется по тем же законам, есть результат познания и осмысления системы и структуры языка, его основных единиц и категорий, принципов и механизмов формирования и передачи смыслов с помощью языка, т. е. его функционирования» [2].

Как нами было показано ранее, индивидуально-авторская специфичность категоризации может проявляться во всех типах языкового знания: (а) в ментальном лексиконе — как переосмысление дифференциальных и классификационных признаков концептов, (б) в знании внутриязыковых категорий — как субъективная интерпретация признаков лексико-грамматических и грамматических категорий, (в) в субъективных представлениях о модусных (оценочных) категориях, служащих целям (ре)интерпретации концептуального содержания в языке [15]. Соответственно, декодирование языковой девиации как сообщения об «индивидуальной конфигурации» коллективного языкового знания может вызывать трудности у адресата. Это происходит, во-первых, в силу того, что коммуникативная интенция автора-отправителя такого сообщения зачастую состоит в намеренной трансляции многозначности текста, создании условий для потенциальной интерпретативной множественности отправляемого сообщения. Во-вторых, стратегия интерпретирования языковой девиации требует адекватного использования нескольких интерпретативных инструментов, задействующих метаязыковые знания реципиента: воспринимаемые результаты авторской языковой трансформации соотносятся с собственными представлениями читателя о коллективной конвенции языкового сообщества (абстрактной языковой нормы, узуса и схемы) и со знаниями о свойствах речи данного функционального стиля (художественного).

Языковые девиации субъективно воспринимаются читателем как обладающие разной степенью нестандартности/девиантности и располагаются в диапазоне от «совершенно не интерпретируемых» авторских новообразований, вызывающих коммуникативный шок, до «не вызывающих трудностей интерпретации» мотивированных отклонений, потенциально развивающихся возможности, заложенные языковой системой. В ряде случаев специфические черты идиолекта того или иного автора могут, с точки зрения читателя, в целом соответствовать системе языка, но не соответствовать одному из критериев языковой нормы, например, функциональным критериям

распространенности и императивности или эстетическим и ситуативно-стилистическим критериям. Например, обилие аппозитивных словосочетаний в поэзии Виктора Сосноры («снег-олово», «дубы-варяги», «облака-баллоны», «валы-рулоны», «брызги-розги», «вермишельки-пьявки» [13]) может восприниматься реципиентом как языковая девиация. В данном случае формальное выражение морфолого-синтаксических отношений между словами, входящими в простое аппозитивное сочетание, соответствует закреплённой в русском языке норме обозначения «определяемое + определяющее», по типу конструкций «женщина-врач» или «завод-гигант». Однако нестандартное смысловое согласование элементов сочетания (по М.В. Никитину, «поэтическое переподчинение смысла» [9, с. 81]), а также сложное взаимодействие формы этой конструкции и поэтического контекста приводят к значительным окказиональным семантическим модификациям.

Таким образом, языковые девиации как дискурсивное сообщение становятся полем взаимодействия субъективных представлений автора и читателя об абстрактной кодифицированной языковой норме. Однако коммуникативная и речезыковая деятельность рефлектирующих сознаний языковых личностей автора и читателя поэтического текста не возникает «из ничего»: «Языковое сознание с его различными состояниями, модусами и структурными рефлексивными актами вводится как (мета) смысловое измерение внутренней силы слова» [6, с. 78]. «Рефлексиосфера слова» (по З.Я. Кармановой, «интегрировано проявленная энергия совокупности (мета)смысловых векторов» [6, с. 80]) играет важную роль в процессе производства и декодирования поэтической языковой девиации. Т.А. Гридина отмечает: «Слово, будучи двусторонним языковым знаком, характеризуется сложной структурой плана содержания и плана выражения в системе языка и речевой деятельности, вызывая разнообразные ассоциативные реакции как в процессе своего порождения, так и при дальнейшем употреблении в языковом коллективе» [3, с. 33]. Ассоциативный потенциал слова охватывает различные аспекты знака как единицы языка и речи и позволяет

интерпретировать формальную и содержательную структуру языкового знака, включая те элементы этой структуры, которые противоречат стандартным реализациям возможностей, заданных языковой системой. Ассоциативный потенциал слова обеспечивает «возможность нестандартной реализации содержательных аспектов восприятия слова на основе коммуникативно-заданных параметров его новой ассоциативной интерпретации» [3, с. 62]. В конечном счете, именно взаимодействие трех составляющих акта художественной коммуникации — рефлектирующего сознания языковой личности автора, рефлектирующего сознания языковой личности читателя и рефлексииосферы слова — организует сложное семиотическое пространство языковой девиации, где поэтическое слово преодолевает смысловую одномерность и шаблонность.

Подведем итоги:

1. Языковая девиация в художественной коммуникации представляет собой индивидуально-авторскую модификацию коллективного языкового кода, репрезентирующую индивидуальное языковое знание — «определенную конфигурацию коллективного знания в плане его объема, содержания и интерпретации» [2].

2. В языковой девиации как дискурсивно-речевом сообщении ведущими являются две коммуникативные функции — поэтическая и метаязыковая. Языковые девиации характеризуются семиологической вторичностью, т. е. представляют собой поле взаимодействия языка-объекта (коллективной речезыковой конвенции) и метаязыка, на котором автор говорит о первом.

3. Сложное семиотическое пространство языковой девиации организуется взаимодействием трех составляющих акта художественной коммуникации: рефлектирующего сознания языковой личности автора, рефлектирующего сознания языковой личности читателя и рефлексииосферы слова.

Список литературы:

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М., 2003. — 512 с.
2. Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.boldyrev.ralk.info/dir/material/193.pdf> (дата обращения: 21.12.2013).
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996. — 214 с.
4. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.infolex.ru/Demian.html> (дата обращения: 23.01.2014).
5. Драгомощенко А. На берегах исключенной реки. — М., 2005. — 80 с.
6. Карманова З.Я. Значение слова как феноменологическая проблема // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». — 2007. — № 20 (98). — С. 73—85.
7. Лотман М.Ю. Структура художественного текста. — М., 1978. — 384 с.
8. Лотман М.Ю. Текст и система / М.Ю. Лотман // О поэтах и поэзии. — СПб., 1996. — С. 121—127.
9. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). — М., 1983. — 127 с.
10. Парщиков А. Стекланные башни / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.vavilon.ru/texts/parshchikov1-1.html> (дата обращения: 29.12.2013).
11. Радбиль Т.Б. Норма как аномалия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». — 2007. — № 3. — С. 229—233.
12. Скидан А. В повторном чтении / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.vavilon.ru/texts/skidan3-1.html#6> (дата обращения: 29.12.2013).

13. Соснора В. В поисках развлечений / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.sosnora.poet-premium.ru/poetry_02.html#72 (дата обращения: 19.01.2014).
14. Суховой Д. Сапгировские чтения—2011 // Новое литературное обозрение. — 2012. — № 118. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/s56.html> (дата обращения: 25.01.2014).
15. Устинова Т.В. Специфика категоризации языковых единиц в стихотворной речи // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2013. — № 1 (1). — С. 7. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/57> (дата обращения: 25.11.2013).
16. Фатеева Н.А. Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века // *Новое литературное обозрение.* — 2001. — № 50. — С. 416—434.
17. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения: 12.01.2014).
18. Bernstein Ch. The Occurrence of Tune / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://eclipsearchive.org/projects/OCCURRENCE/Occurrence.pdf> (дата обращения: 12.01.2014).
19. Coolidge C. The Maintains / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://eclipsearchive.org/projects/MAINTAINS/Maintains.pdf> (дата обращения: 02.01.2014).
20. Hejiniian L. Redo / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://eclipsearchive.org/projects/REDO/Redo.pdf> (дата обращения: 02.12.2013).